

- Война 1941–1945. / Под ред. О. А. Ржешевского. М., 2005. Приложение №29. С. 358–362.
3. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 37. М., 1957.
  4. *Абатуров В.* 1941. На Западном направлении. М., 2007.
  5. *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. А. Уткина. Смоленск, 2004.
  6. Интернет-адрес: <http://www.militera.lib.ru/memoirs/eremenko/chapter6main/htm>.
  7. *Лискин А.* Расстрелянные генералы // Совершенно секретно. 2001. №5. С. 27–29.

ГРАНИ САМОЗВАНЧЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СТЕПАНА МАЛОГО

Н. В. Рудницкая, С. Л. Луговцова

Со времени появления в России самодержавной власти, всегда обладавшей в глазах людей статусом почти божественным, начинается и история самозванцев – людей, пытавшихся без должных на то оснований внушить окружающим веру в собственную царственность. Как отмечал В.О. Ключевский: «Историю России нельзя написать, обходя проблему самозванчества: у нас с легкой руки первого Лжедмитрия самозванчество стало “хронической болезнью” государства...» [3, с.123] Особый интерес представляет группа так называемых заграничных самозванцев «русского» происхождения, объявившихся за пределами Российской империи. Одной из стран, в которой получило распространение данное явление, стала Черногория. Именно здесь в 60-е гг. XVIII в. появилась очередная «тьень» российского императора Петра Федоровича.

В XVIII в. Черногория представляла собой довольно архаичную страну со своеобразным теократическим режимом правления, при этом испытывавшую значительное влияние Российской империи. Известие о перевороте в Петербурге и свержении императора Петра III духовенство Черногории встретило отрицательно. Православная церковь на Балканах осудила действия Екатерины и распространяла и поддерживала среди паствы слух, что Петр III сам себя огласил мертвым. На волне распространения таких слухов в 1766 г. в Черногории появляется неизвестный человек, называющий себя просто Степаном Малым [10, с.285]. Сначала он поселился в Негушах и работал батраком у некоего Юрия Кустодии, затем нанялся батраком к Вуку Марковичу – зажиточному и влиятельному человеку в деревне Маина [5, с.16]. На первых порах мало кто обращал внимание на этого человека, но вскоре он обратил на себя внимание умением врачевать и его имя постепенно обрело популярность. Людей удивляло и его поведение: в отличие от обычных деревенских знахарей Степан Малый не брал платы до тех пор,

пока его подопечные не выздоравливали. При этом он вел с ними проникновенные беседы, рассуждал о доброте и миролюбии, о необходимости прекратить распри между племенами. Стал он лечить и самого заболевшего хозяина. В результате к концу лета 1767 г. Маркович не только поправился, но и переменял свое обращение с батраком, стал относиться к нему с уважением и почтительностью. В августе-сентябре 1767 г. по окрестностям разнеслась весть о том, что батрак Марковича – российский царь Петр Федорович [10, с.286]. Но сам самозванец продолжал называть себя Степаном Малым и никогда вслух не объявлял себя Петром III. По одной из версий своим именем он хотел намекнуть на свое высокое происхождение – причастность к роду Стефана Немани (1168–1196 гг.), главы средневековой Сербии, основателя династии Неманичей. Сам же о себе он сообщал все время противоречивые сведения, что он родом из Далмации, что он турецкий подданный из Босны, дезертир из Лики, Ю.В. Долгорукову он признался, что является далматинцем из Раичевичей [12, с.118].

Сразу после того, как Степан «признался» в своем царском происхождении, нашлись очевидцы, (видимо, преследовавшие свои корыстные интересы), которые его узнали. Это были черногорцы, которые в свое время побывали в России. Одним из них был скотовладелец в Маине Марко Танович, находившийся в России на службе в 1753 – 1759 гг. [7, с.247]. Поскольку Танович (в некоторых источниках – Янович [5, с.575]) пользовался уважением, его клятвенное заверение, что батрак Степан Малый действительно похож на русского императора, произвело большое впечатление. Его клятву подтвердили и другие черногорцы, побывавшие в России – монахи Феодосий Мркочевич и Йован Вукичевич [10, с.286]. А вскоре в местном монастыре разыскали портрет Петра III, который подтвердил сходство с ним Степана Малого (наличие следов оспы, 2 шрама на лице) [5, с.16].

14 октября 1767 г. в селе Цегличи Совет старшин признал Степана Малого царем Петром III, а в конце того же месяца в Цетинье состоялась всенародная скупщина, на которой присутствовало около 7 тыс. человек, и Степан Малый был признан не только русским царем, но и правителем Черногории [12, с.120]. Наиболее близкий и преданный ему Марко Танович был назначен великим канцлером (хотя и был неграмотным) [7, с.248]. Вскоре после собрания в Цегличах к самозванцу прибыл и сам митрополит Савва. Не пользуясь особой поддержкой и любовью у населения из-за своей провенецианской политики, владыка вынужден был публично признать Степана Малого государем Черногории и Петром III [13, с.522].

Получив официальную грамоту от скупщины от 2 ноября 1767 г. [5, с.585], Степан Малый отправился с побережья Адриатики в горную часть страны, где был встречен ликующим народом. Но вскоре усложнились отношения с митрополитом. Савва, чтобы выяснить, жив ли на самом деле Петр III, направил еще 12 октября 1767 г. письмо русскому посланнику в Константинополе А.М. Обрескову [10, с.285]. Тот решил согласовать ответ с Петербургом, но между тем направил Савве предварительный ответ. Подтверждая смерть императора, А.М. Обресков выразил митрополиту «удивление в шалостях, чинимых в местах его ведомства» [10, с.290]. Официальный ответ, в котором Степан Малый назван «плутом или врагом», а Савва обвинялся в «лехкомыслии», был датирован 2 апреля 1768 г. [10, с.290]. Об этом письме митрополит сообщил всем черногорским общинам. Но этому сообщению не очень хотели верить. К тому же Степан Малый знал о письме Саввы, более того, сделал на нем приписку, в которой указал, что не именуется иначе как «Малый Стефан, с добрыми добр» [10, с.285]. Поэтому на собрании общин, куда он был вызван, самозванец не только не стал оправдываться, а публично обвинил митрополита в служении интересам Венеции, а также спекуляции землей и расхищении ценностей, поступавших в дар от России. На этом он не остановился и предложил отобрать у Саввы имущество и разделить его между участниками собрания [6, с.127]. В результате Савва и его родственники были арестованы, а его дом монастырь, несколько церквей разграблены. Оправдывая свое бессилие, Савва писал: «Не знаю и сейчас, кто он и откуда...из Турции, из Венеции все бегут к нему. Будет либо добро, либо смута. Я не могу его изгнать...» [10, с.290].

Отстранив митрополита от власти, Степан мог приступить к реализации своей программы преобразований. В стране, где сложился теократический режим, Степан Малый специальной грамотой от 15 мая 1768 г. объявил об отделении государственной власти от церковной [8, с.26]. Этим он, безусловно, нанес чувствительный удар не только по кругам, выразителем интересов которых являлся Савва, но и упрочил свои позиции как государя.

Новый правитель энергично занялся созданием в Черногории неплеменной системы управления, построенной по государственному образцу. Начал он с попытки искоренения всех распрей, существующих в обществе – от счетов, сводимых в порядке кровной мести, до межплеменных войн. Вечный мир – одно из главных требований самозванца. И это не удивительно, учитывая положение в Черногории в тот период. Наряду с призывами к миру был выдвинут и четкий план

преобразований. Активным преследованиям подвергалась кровная месть, за нее устанавливалось изгнание из страны [12, с.121]. Были введены строгие наказания за воровство и грабеж. Это было серьезным шагом в стране, где угон скота, например, считался обыкновенным делом. Были введены ограничения по ношению и, самое главное, по применению оружия. Каждый пустивший в ход оружие и совершивший убийство наказывался смертью, а в случае его бегства с его родственников взималась плата [12, с.121]. Решился Степан Малый и на вторжение в сферу брачных традиций: каждый, взявший себе чужую жену, должен был ее оставить. Но реализация на практике этих реформ была осложнена отсутствием в стране судебного аппарата, постоянного войска, чиновников. Степан мог рассчитывать лишь на свою личную охрану – отряд из 10-15 человек. Лишь в конце 1772 г. некто С. Баряктарович возглавил отряд из 80 человек и начал контролировать исполнение судебных приговоров [12, с.122]. Выносить эти приговоры стал суд из 12 человек.

Ряд мер был направлен на обеспечение более благоприятных условий для экономического и культурного развития страны. Так, он начал прокладывать пути сообщения и задумал провести перепись населения, которая была осуществлена уже после его смерти в 1776 г. [7, с.249]. Еще одной большой заслугой Степана Малого является открытие в Петровце первой черногорской школы [11, с.53]. Следует отметить, что все эти преобразования проходили в условиях борьбы с венецианцами и турками, когда Степану Малому приходилось маневрировать, отступать и даже скрываться то от венецианцев, то от турок. Тем не менее, реформы Степана Малого в целом рассматривают в качестве первого опыта создания в Черногории настоящей государственной системы.

Между тем события в Черногории вызывали беспокойство и опасения в Российской империи. Правительство Екатерины II получило сведения о Степане Малом от своих дипломатов – А.М. Обрескова в Константинополе и Д.М. Голицина в Вене [10, с.286]. Сначала при российском дворе к этому известию отнеслись спокойно, так как думали, что он в российские дела не вмешивается, а в тылу у турок он будет совсем не бесполезен. Единственное, чего хотели добиться от него, это заставить «бросить самозванство» [12, с.124]. Весной 1768 г. по распоряжению императрицы была начата тайная подготовка миссии в Черногорию. Вначале в Иностранной коллегии намеревались послать в Черногорию для уговоров Степана монаха-сербя Софрония Плевковича, но затем его сочли ненадежным, и посланнику в Вене кн. Д.М. Голицыну было предложено тайно отправить к черногорцам одного из своих

дипломатов «для истребления зла в самом начале и для спасения черногорского издревле к империи нашей по единоверию ласкающегося народа от неминуемой гибели со стороны соседних держав (Венеции, Турции)» [11, с.51]. Выбор пал на советника посольства Георгия Мерка. Ему было дано задание побывать в Черногории и передать старейшинам грамоту или воззвание императрицы, в котором говорилось, что, приняв у себя самозванца, которого Екатерина называет «бродягой», «обманщиком», «чучалам», они тем самым вызовут недовольство российского двора [11, с.52].

Таинственность этой миссии сохранить не удалось. Об этом узнали в Константинополе. Порта решила, что российский советник едет подстрекать черногорцев против турок, и под ее давлением венецианские власти не пустили Мерка в Черногорию [11, с.86]. Мерку удалось все же прибыть в Котор, но ни ехать далее в горы, ни даже увидеться с черногорскими делегатами, которые специально спустились с гор и ждали его в предместье Котора, ему не позволили. В результате Мерк написал в Коллегию иностранных дел несколько донесений со сведениями «из вторых рук» [10, с.289]. Это естественно вызвало недовольство Екатерины, на его донесениях она написала резолюцию «если бы капитан гвардии был послан, то письмо несумненно отдано было, но сей претонкой политик (т. е. Мерк) возвратился с ней, не сделав кроме преострыя размышления. Я советую его из Вены отозвать...» [9, с.234].

Популярность в Черногории самозваного Петра III привело к изменению российской политики покровительства черногорцам. В самой империи довольно широко стал распространяться слух о том, что император Петр Федорович жив. Чтобы пресечь всяческое проникновение вестей о самозванце (не говоря уже о его эмиссарах, посланниках) в Россию Екатерина II подписала специальный циркулярный рескрипт к пограничным губернаторам, в котором повелевала «осматривать приезжающих в Россию из-за границы всякаго рода людей, а особливо попов и старцев из черногорского и других оному сходных народов» [11, с.289].

Тем временем в условиях начавшейся русско-турецкой войны 1768–1774 гг. поддержка со стороны угнетенных османами балканских народов приобретала для России важное значение. От имени Екатерины II 19 января 1769 г. был опубликован манифест, обращенный ко всем славянским народам и христианам европейских владений Турции. В манифесте напоминалось о славном прошлом этих народов, подпавших под иноземное иго, и содержался призыв «полезными для них

обстоятельствами настоящей войны воспользоваться ко свержению ига и ко приведению себя по-прежнему в независимость» [10, с.291].

Возлагая определенные надежды на симпатии местного православного населения, Екатерина по-прежнему была озабочена влиянием на черногорцев Степана Малого в роли «Петра III». Но поскольку до Петербурга доходили сведения, что он проявил себя сильным правителем, было решено «его употребить, запрета ему обман» [4, с.33]. Ввиду провала миссии Мерка возник план послать в Черногорию участника Семилетней войны, генерала от инфантерии Юрия Владимировича Долгорукова. Летом 1769 г. Долгоруков приехал в Италию под именем купца Барышникова с группой переодетых офицеров (артиллерии полковника Лецкого, Н.И. Маслова, Ф.В. Обухова) [2, с.492]. Затем 12 августа 1769 г. на греческом судне Долгоруков вместе с отрядом из 26 человек прибыл в порт на турецко-венецианском пограничье. Имея проводника, они с трудом преодолели горный хребет, неся на себе «деньги, порох, свинец и прочее» [2, с.492] и достигли монастыря Брчели, где их встретило духовенство. 17 августа 1769 г. перед воротами уже Цетинского монастыря состоялась скупщина [5, с.22]. В присутствии Долгорукова, губернатора, старшин и 2 тыс. собравшихся один из монахов огласил грамоту патриарха Василия Бркича, в которой он именовал самозванца обманщиком, неизвестным бродягой, «возмутителем покоя и злодеем нации» [12, с.125]. Поднявшись с места, Долгоруков подтвердил, что Степан – «самозванец плут и бродяга» [2, с.493]. Затем был прочитан по-русски, а после объяснен по-сербски манифест Екатерины от 19 января 1769 г., и черногорцы были приведены к присяге императрице [4, с.33].

Все эти события происходили в отсутствие Степана Малого. Те дни, что прошли с момента прибытия Долгорукова, он использовал для объезда страны и агитации в народе в свою пользу. И когда на следующий день после скупщины самозванец прибыл в Цетинье, то был с ликованием встречен народом. Но все же Долгорукому удалось обезоружить и арестовать Степана. Дав себя обезоружить, самозванец поступил крайне не обдуманно, ведь в глазах воинственных черногорцев это само по себе являлось бесчестьем, к тому же он уже бросал однажды оружие в бою. Вид «опозоренного царя» вызвал негодование у собравшихся, которые, как вспоминал сам Долгоруков, требовали повесить, изрубить его на куски [2, с.493]. Таким образом, самозванец оказался в тюрьме.

Долгоруков стал первым правителем Черногории. Но уже вскоре его отношения с местным населением заметно испортились. 11 сентября

1769 г. старшины Катунской и Риекской нахий и с ними 30 человек собрались при поддержке владыки Саввы у ворот Цетинского монастыря и потребовали встречи с князем, предъявив ряд требований [12, с.126]. Раздосадованный Долгоруков выгнал делегатов.

Еще одного недоброжелателя князь встретил в лице венецианских властей, которых его миссия чрезвычайно беспокоила. Возродились их старые опасения, что русские поссорят их с турками. Поэтому Венеция активно выступила против Долгорукого. Были закрыты все морские порты для черногорцев, с помощью разветвленной сети осведомителей собирали регулярные сведения о действиях русских и сообщали их туркам, да и вообще, как вспоминал сам Долгоруков, «чинили всякие неистовства» [2, с.494], т. е. пытались его отравить, подорвать, обещали за его голову 5 тыс. червонных. Оказавшись перед лицом таких трудностей, Долгоруков стал искать надежных советников и все чаще стал встречаться с заключенным под стражу самозванцем. А 24 октября 1769 г. русская миссия покинула Цетинский монастырь и двинулась к морю, где ее ждало заранее нанятое судно [1, с.434]. Их сопровождали около 50 нанятых на службу черногорцев, патриарх Василий, митрополит Савва и не кто иной, как сам Степан Малый. Он был освобожден из-под стражи, Долгоруков снабдил его боеприпасами, подарил на память российский мундир и до своего возвращения поручил управлять страной, убедившись, что никакой опасности для правительства Екатерины самозванец не представляет [2, с.495]. В последствии генерал вспоминал, что только благодаря самозванцу ему удалось вернуться живым из Черногории: «мы пошли по горам, по пропастям, по камням, по тернам, я бы верно в пропасть свалился, если бы привычный к этим местам Степан Малов, так сказать на руках не вынес» [2, с.495].

Таким образом, миссия, задуманная для ликвидации самозванца, привела к новому подъему его авторитета. Теперь Степан Малый становится признанным правителем страны, «осененным авторитетом русского дипломата» [7, с.253]. Но вскоре жизненные обстоятельства резко изменялись: осенью 1770 г. во время прокладки дороги в Цермнице при взрыве его серьезно ранило, в результате чего он ослеп [11, с.584]. Помещенный в монастырь Брчели, и ослепнув, Степан Малый продолжал оттуда управлять страной. За выполнением его предписаний следил созданный в 1772 г. отряд С. Баряктаровича. При этом и венецианцы, и турки продолжали ощущать в лице самозванца какую-то опасность. Поэтому продолжали подсылать к нему наемных убийц, одному из них вскоре удалось достигнуть своей цели. В октябре 1773 г.

Степан Малый был зарезан своим слугой – греком Станко Класомунья, которого подкупил скадарский паша Мехмед [5, с.33]. Так закончилась история шестилетнего правления в Черногории «императора Петра III».

Таким образом, до сих пор в истории самозванца, сумевшего встать во главе целой страны, остаются белые пятна. Например, очень сложно точно определить его происхождение. Однако большинство исследователей, сопоставив такие факторы как боснийский акцент самозванца, его турецкие привычки и монашескую манеру речи, пришли к выводу, что он являлся православным монахом из Турции [5, с.33]. С большой долей вероятности можно отметить, что Степан Малый был человеком не глупым, ловким. Попутешествовав по свету, повидав разных людей и познакомившись с лучшими порядками, ему нетрудно было стать выше черногорцев и показаться им даже мудрецом: на простой народ всегда с большим успехом действовали авантюристы, особенно если их личность облечена таинственностью и прикрываются каким-нибудь громким именем. Но, безусловно, что Степану Малому помогли или даже создали его другие люди. Как писал, П.А. Ровинский «Творцами и дирижерами самозванца были люди, составившие целый комплот, а Степан Малый был лишь вышколенный ими актер» [11, с.583]. Среди этих людей можно назвать и Марко Тановича, преследовавшего свои корыстные интересы в этой истории; и митрополита Савву, который своим бездействием и непопулярностью среди населения способствовал укреплению самозванца; и даже самого Ю.В. Долгорукова, который сыграл решающую роль в окончательном утверждении Малого у власти. Безусловно, укреплял свой авторитет и сам Степан Малый. Его реформаторская деятельность была направлена на решение назревших задач дальнейшего социально-экономического, политического и культурного развития черногорского общества, т. е. отвечала его потребностям. Она способствовала не только государственно-правовой консолидации, но и способствовала подъему национально-освободительного движения. Все это привлекало к Степану Малому и его сторонникам симпатии населения и обусловило достаточно широкую и прочную поддержку. Также положительную роль сыграло использование самозванцем веры черногорцев в освободительную миссию России, долгие годы считавшейся покровительницей Черногории.

Литература

1. Журнальная записка происшествиям во время экспедиции его сиятельства князя Ю.В. Долгорукова от армии генерал-майора и лейб-гвардии Преображенского

- полку майора в Черную Гору. 1769 год // Русский архив. 1886. Т. 24. Кн. 4. С. 389–437.
2. Записки князя Ю. В. Долгорукова // Русская старина. 1889. Т. 7–9.
  3. *Ключевский В. О.* Русская история. Кн. 3. М: Феникс, 2000. 572 с.
  4. *Лециловская И. И.* Балканская политика Екатерины II // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 29–40.
  5. *Макушев В.* Самозванец Степан Малый // Русский вестник. 1869. Т. 82. № 7. С. 5–43; № 8. С. 573–604; Т. 83. С. 5–34.
  6. *Мыльников А. С.* Искушение чудом: «русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Ленинград, 1991. 265 с.
  7. *Мыльников А. С.* Петр III. Повествование в документах и версиях. М: Молодая гвардия, 2002. 511 с.
  8. *Мыльников А. С.* Самозванство в контексте просвещенного абсолютизма // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М: Наука, 1995. С. 24–35.
  9. Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорского русского исторического общества. 1893. Т. 87.
  10. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М: Наука, 1984. 430 с.
  11. *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1888. Т. 45. 823 с.
  12. *Фрейденберг М. М.* Степан Малый из Черногории // Вопросы истории. 1975. № 10. С. 118–132.
  13. *Яцимирский А. И.* Лже-Петр III у черногорцев // Исторический вестник. 1907. № 8. С. 515–546.

**ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В
1961–1991 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.
СОЗДАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ**

Ю. А. Рыбакова

Значение системы высшего образования в жизни государства и общества трудно переоценить. В ней заложен потенциал социально-экономического и нравственного благополучия нации. Самая главная цель высшего образования – формирование свободной, творческой нравственно, интеллектуально и физически развитой личности.

Одним из крупнейших центров науки и культуры республики является Белорусский государственный университет. Решение об его открытии в Минске было принято Правительством СССР 25 февраля 1919 г., а 30 октября 1921 г. состоялось торжественное открытие Белорусского государственного Университета.

Наиболее значимые документы за период 1921–1961 гг. ранее были опубликованы в таком издании как «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 гг.» [4], за остальные годы уже подготовлены к печати.